

Из только что сказанного видно, в каком печальном положении было дело революции в первые месяцы 1792 г. Если буржуазные революционеры удовлетворялись тем, что завоевали себе долю участия в управлении и положили основание богатствам, которые они надеялись в будущем приобрести с помощью государства, то народ видел, что для него еще ничего не сделано. Феодальный порядок продолжал существовать в деревнях; а в городах масса пролетариата почти ничего не выиграла. Купцы и спекуляторы наживали огромные состояния благодаря ассигнациям, на курсе которых они спекулировали, и распродаже имуществ духовенства, которые они скупали и перепродавали, а также благодаря государственным подрядам и биржевой игре на всех предметах первой необходимости. Цены на хлеб все росли, несмотря на хороший урожай, и нищета оставалась обычной спутницей жизни народа в больших городах.

Тем временем аристократия начинала оживать. Дворяне и богатые люди поднимали голову и хвалились, что скоро образуют санкюлотов, т. е. бедноту. Они каждый день ждали известия о вступлении во Францию немецких войск и их победоносном шествии на Париж, чтобы восстановить, наконец, старый строй во всем его великолепии. В провинциях, как мы видели, реакционеры открыто организовывали своих приверженцев.

Что касается конституции, которую буржуазия и даже революционная интеллигенция из буржуазии хотели сохранить во что бы то ни стало без изменения, то ее значение проявлялось лишь в мало-важных вопросах; серьезные же реформы оставались без движения. Власть короля была ограничена, но очень немного. При тех правах, которые были ему оставлены конституцией (гарантированный нацией бюджет на содержание двора, командование войсками, назначение министров, право вето и т. д.), а в особенности при внутреннем устройстве Франции, которое предоставляло полное господство прежним чиновникам и зажиточной части населения, - народ был совершенно бессилен.

Никто, конечно, не заподозрит Законодательное собрание в радикализме. Его декреты относительно феодальных повинностей и духовенства были проникнуты, как мы видели, крайней умеренностью. А между тем даже эти декреты король отказывался подписать. Все чувствовали, что живут изо дня в день; что существующая полуконституционная система непрочна и легко может быть свергнута, что со дня на день возможен возврат к старому порядку.

Между тем заговор, задуманный в Тюильри, с каждым днем распространялся по самой Франции и охватывал Европу. Дворы берлинский, венский, стокгольмский, туринский, мадридский и петербургский присоединились к нему. Приближался момент решительного выступления контрреволюционеров, назначенного ими на лето 1792 г. Король и королева торопили немецкие войска; они звали их скорее в Париж, даже назначали им день, когда они должны вступить в столицу, где их встретят с распростертыми объятиями вооруженные и организованные роялисты.

Народ и те из революционеров, которые, как Марат и кордельеры вообще, стояли близко к народу, те, кто создал потом Коммуну 10 августа, отлично понимали грозящую революции опасность. Народ всегда чувствует истинное положение дел, даже тогда, когда он не может ни правильно его выразить, ни обосновать свои предчувствия доводами, свойственными интеллигенту. Он поэтому понимал гораздо лучше политиканов все интриги Тюильри и дворянских замков. Но он был безоружен, тогда как буржуазия была организована в батальоны национальной гвардии. Хуже всего было то, что у интеллигентов, выдвинутых революцией и явившихся ее выразителями, в том числе и у таких людей, как Робеспьер, не было необходимого доверия к революции, а тем менее к народу. Подобно парламентским радикалам нашего времени, они боялись того «великого неизвестного», которое представляет собой вышедший на улицу народ, когда он становится хозяином положения. Не решаясь признаться самим себе в этом страхе перед революцией, совершающейся во имя равенства, они объясняли свою нерешительность желанием «сохранить по крайней мере те немногие вольности, которые дала Конституция». Они предпочитали полуконституционную монархию риску нового восстания.

Только с объявлением войны (21 апреля 1792 г.) и началом немецкого нашествия положение несколько изменилось. Видя, что ему изменяют все, даже те самые вожаки, которым он доверял в начале революции, народ, т. е. мелкая буржуазия и ремесленники, стал действовать сам, стал оказывать давление на «вождей общественного мнения». Париж сам начал готовить восстание для свержения короля. Секции города Парижа, народные и братские общества, т. е. «неизвестные», принялись за дело с помощью более смелых кордельеров. Наиболее горячие и просвещенные патриоты, рассказывает